

— Неплохая идея! — Чжэнь Цюн сразу закивал. — Действительно, если другие попытаются украсть рецепт, это может стоить им жизни. Конечно, мне нужно основать школу, чтобы изучать это лекарство! Возможно, я даже смогу получить алхимическую лабораторию. Нужно построить несколько больших помещений!

Разве императорский двор пожалеет денег на лабораторию? Она должна быть большой и хорошо оборудованной, с печами для плавки стали и стекла, предназначенными только для него! Представляя такие перспективы, Чжэнь Цюн засмеялся, счастливый, но потом вспомнил:

— Подожди, я еще не рассказывал никому о кислом масле. Может, нужно срочно сообщить императору?

Хань Мяо улыбнулся:

— Если ты будешь хвастаться своим лекарством, как император поверит? Конечно, нужно, чтобы кто-то другой сообщил императору, а ты уже подтвердил его эффективность.

Разве есть такие хорошие люди? Чжэнь Цюн был почти тронут:

— Тогда нужно его поблагодарить!

Эти слова заставили Хань Мяо рассмеяться:

— Зачем его благодарить? Те, кто подают жалобы императору, не хорошие люди. Их нужно жестко наказывать.

А, это жалоба императору. Чжэнь Цюн наконец понял, немного смущенно почесав голову:

— Они, наверное, не пробовали лекарство? Как они могут быть такими глупыми?

Эффективность кислого масла была на высоте. Разве можно жаловаться на такое императору? Разве у них дома никто не болеет?

— Эти шуты разве знают о твоих способностях? — Хань Мяо сделал паузу, затем добавил. — Но название «кислое масло» слишком неблагозвучное. Давай назовем его «пилюля защиты сердца».

— Как скажешь! — Такие мелочи Чжэнь Цюн, конечно, согласился.

Убедившись, что он все понял, Хань Мяо расслабился и поддразнил:

— Я так переживал за тебя, а ты целыми днями пропадаешь. Тебе нужно как следует вознаградить меня.

Э, это просто. Чжэнь Цюн обнял Хань Мяо за талию и поднес губы. После стольких дней работы, вернувшись домой и услышав хорошие новости, разве можно не насладиться этим в полной мере?

Хань Мяо засмеялся, захватив теплые губы и прижав его к низкому ложу.

Еще не рассвело, а министры, отправляющиеся на утренний совет, уже ехали на лошадях или в повозках во Внутренний город. У ворот запретного города были развешаны бумажные фонари, и все, кроме высших сановников, должны были написать на них свои должности, превращая весь императорский город в море света. Перед дворцом толпились уличные торговцы,

продающие завтрак, шум и аромат горячей каши и лепешек разносились далеко.

Все вышли в четвертую стражу, и в этот холодный зимний день каждый хотел съесть что-то теплое. Боясь испачкать бороду, Су Сун велел слуге купить ему пару пирожков с бараниной, чтобы подкрепиться. Когда откроются ворота дворца, он выпьет чашу чистого вина, чтобы согреться и пережить утренний совет.

В последние дни его настроение было хорошим. Хотя прогресс в создании пушек был невелик, но Чжэнь Цюнь в Управлении вооружений действительно создал много полезного. Не говоря уже о увеличении производства меди и железа, только мечи, изготовленные методом томления стали, вызывали восхищение. После формирования клинка его покрывали соевым соусом, закапывали в древесный уголь и глину, оставляли на некоторое время, а затем выковывали, чтобы на лезвии появились сложные узоры, делая его невероятно острым.

Это был «булат»! Раньше только персидские купцы привозили такие мечи. Кто бы мог подумать, что несколько советов Чжэнь Цюня позволят создать их в Управлении вооружений.

Теперь мастера изучают методы закалки. Думаю, скоро мы получим мечи, способные резать железо как масло.

Спасибо тому даосу. Су Сун уже решил, что, представляя мечи, он расскажет всему двору о способностях Чжэнь Цюня. Просто наградить его золотом и серебром будет недостаточно. Титул «господина» будет достойной наградой за его заслуги.

С такими мыслями ожидание начала совета стало менее утомительным. Вскоре ворота запретного города открылись, и министры, разделившись на гражданских и военных, вошли в чертог Чуйгун.

Мир полон событий, и на утреннем совете постоянно кто-то выступал с докладами. У Су Суна сегодня не было важных дел, и он просто стоял в строю, слушая. Он думал, что придется просто подождать, но после нескольких докладов один цензор вышел вперед и громко произнес:

— У меня есть доклад! Надзиратель Управления вооружений Су Сун поклоняется духам, превозносит колдовство, обманывает государя, разжигая войны, и разрушает законы двора!

Су Сун поднял бровь, и его взгляд, полный решимости, устремился на цензора.

Обвинять чиновника, не подавая доклад, а прямо на совете — это легко понять. Если подать доклад, он должен пройти через два министерства, прежде чем дойдет до императора. А если цель — сами министры? Су Сун не чувствовал, что у него есть враги при дворе. Управление вооружений было новым, но он был добросовестным и преданным, и в его работе не было изъянов. Проблема, конечно, заключалась в словах «поклоняется духам, превозносит колдовство».

Цензор обвинял даоса Чжэнь Цюня, который свободно посещал мастерские Управления вооружений! На поверхности это был он, кто дал Чжэнь Цюню власть и позволил ему работать в мастерских, вызывая сплетни. Но на самом деле обвинение было направлено на министра Хань, обвиняя его в представлении даоса, чтобы обмануть императора. Теперь, когда Управление вооружений реформировалось, и в Северном предместье строили мастерскую осадных орудий, для чего это? Конечно, для подготовки к войне! Когда Хань Ци был наместником на северо-западе, он выступал за войну. Связав это с текущими событиями, легко обвинить его в любви к войне.

Более того, реорганизация армии, увеличение торговых налогов, расширение Императорской академии — чем это отличается от «Нового курса» Цинли? Не хотят ли они снова устроить «Реформы Цинли», вызвав хаос при дворе?

Все это вместе составляет причину для смещения министра. Не хватает только повода. А если использовать «колдуна» как слабое место, все становится логичным.

Конечно, это только кажется «логичным». Су Сун был немного озадачен. Ведь все министры знали настоящие заслуги Чжэнь Цюна. Даже если зеркало тысячи ли и взрывчатка не были раскрыты, а медные рудники еще не найдены, разве можно использовать это для обвинения? Кто послал этого цензора, не боясь, что император его накажет?

Мысли мелькали, как молния. Су Сун поправил рукава и вышел вперед, чтобы защитить себя:

— Я принял управление Управлением вооружений, чтобы улучшить оружие и уменьшить потери. Где здесь поклонение духам? Кроме того, Ли Лянцзо из Западной Ся нарушил границу, и подготовка армии полезна для страны. Как это можно назвать любовью к войне?

После того как Чун Э самовольно начал конфликт, Ли Лянцзо уже вторгся на северо-запад, вызывая хаос. В такое время говорить о «разжигании войн» было неуместно.

Цензор холодно сказал:

— В Управлении вооружений есть дикий даос без разрешения и наставника, который свободно посещает важные мастерские, занимается плавкой пилюль и колдовством. Разве надзиратель Су не знает об этом?

Су Сун спокойно ответил:

— Даос Чжэнь был отправлен государем для помощи в управлении. Всего за месяц он увеличил производство меди и железа, сделал оружие острее. Это не колдовство, а методы работы с металлами. Цензор Цзян, не говорите вздора.

— А то, что он называет себя «Истинным владыкой Грома», утверждает, что может создавать пилюли, воскрешающие мертвых и лечащие все болезни, и сеет смуту среди народа, разве надзиратель Су знает об этом? — вдруг сказал цензор.

Су Сун глубоко вдохнул. Он действительно не знал об этом! «Истинный владыка Грома» было просто шуткой из-за взрывчатки, но пилюли — это серьезно. «Воскрешать мертвых, лечить все болезни» — эти восемь слов могли убить. Разве Чжэнь Цюн не занимался плавкой пилюль? Как он мог так хвастаться?!

Чжао Сюй, который до этого хмурился, размышляя, стоит ли говорить о взрывчатке и зеркале тысячи ли, услышав о лекарстве, изменился в лице. Чжэнь Цюн никогда не упоминал об этом перед ним. Это клевета или он, пользуясь доверием императора, занимался этим тайно?

— Есть ли доказательства? — спросил Чжао Сюй.

— Есть! — Цензор Цзян сразу подал доклад.

Чжао Сюй взял его и быстро просмотрел. Там было около сотни подписей, утверждающих, что они слышали о «лекарстве, воскрешающем мертвых». Это было серьезно. Если лекарства не существует, это обман и смута. Если оно существует, это еще хуже — он даже не сообщил об

этом дворе и не преподнес императору. Что он задумал?!

Подумал: школа Маошань звучит недостаточно возвышенно, лучше использовать тогдашнее название — школа Шанцин.

<http://bllate.org/book/16827/1547566>